

image not found or type unknown

Частная собственность лежит в фундаменте политической демократии и рыночной экономики.

Граждане не уважают тех, кто умеет «делать деньги», и не любят тех, у кого они есть. При этом любят деньги, которые у них в руках, и хотят иметь их больше, чем у соседа. Вырваться из этого круга не получается: трудно стать богатым, имея психологию бедняка.

Отношение к частной собственности во многом обусловлено навязанными представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо в политике и экономике, но для своих детей большинство россиян выбирают будущее, совсем не похожее на сегодня: их успех они связывают с частными инициативами в рыночной экономике.

Частная собственность в представлении граждан — это прежде всего квартира, машина, дача, участок земли. Заметно меньшее число людей напрямую связывают с правами собственности сбережения, бизнес, ценные бумаги. То есть почти для половины населения проблемы предпринимательства по умолчанию не связаны с проблемами частной собственности.

В сугубо экономическом плане собственность может быть раскрыта через отношение личности к таким понятиям, как деньги, капитал, прибыль и т.п., то есть через сугубо экономические категории, которые отражают «работоспособность» собственности, ее способность к своему увеличению, возрастанию. Отсюда собственность показывает уровень активности человека, его хозяйскую сметливость и разворотливость. Ведь любое имущество, любые предметы, любая недвижимость, ориентирами пользования которыми является «проедание» или однонаправленное извлечение из них пользы, в конце концов исчерпают свои «собственнические» характеристики, станут никому не нужными вещами или перейдут в собственность другим людям. Собственность должна постоянно укреплять, «подпитывать» себя, и это одна из первых забот любого собственника.

В массовом сознании приватизация – это про крупный бизнес, про олигархов, обман, несправедливое распределение государственного пирога, а

предпринимательство – это все-таки что-то другое, один из видов активной и высокорисковой деятельности, причем более или менее одобряемый. Отсюда вывод респондентов: основные выигравшие – олигархи и бюрократия. При этом иммунитета у новых властей нет: граждане так же плохо относятся к «путинскому» переделу нулевых и десятых годов, как и к приватизации 1990-х.

Большая часть людей – причем во всех социальных и гендерных группах – считают присутствие государства в экономике недостаточным, такой позиции в большей степени придерживаются люди старших возрастов, малообеспеченные и нуждающиеся в поддержке государства. Экономически активные граждане более осторожно относятся к вмешательству государства в экономику, хотя тоже стоят за него – возможно, имея в виду исполнение государством своих обязательств и обеспечение нормальной регулятивной среды.

В целом же, если не иметь в виду продвинутые слои общества, массовая поддержка госрегулирования вызвана непониманием того, как еще можно добиться улучшения социально-экономической ситуации и как в принципе работает экономика. Люди остро чувствуют несправедливость тех или иных шагов в перераспределении собственности со стороны государства, но, не зная иного института редистрибуции богатства, видят именно в государстве собственника крупных предприятий и арбитра.

Базовая задача государства, с точки зрения граждан, – повышение уровня жизни, это, как считают респонденты, должно быть главной целью преобразований в стране. Такой узкосоциальный подход заслоняет все сопутствующие цели. По сути, пожелания большего присутствия государства в экономике тождественны надеждам на дополнительные соцгарантии и помощь со стороны госвласти.

Не важно, что государство – неэффективный собственник, важно, что госраспределение – главный (если не единственный) понятный способ улучшения благосостояния рядового гражданина. Да, спрос на более адекватную регулятивную среду есть, как и стремление видеть в государстве источник качественных сервисов. Да, хорошо бы в комфортной среде с государством – «ночным сторожем» работать на себя. Но это в идеале, а на практике, несмотря на высокую степень недоверия к госинститутам и бюрократии, государства пусть будет больше как источника благ – так вернее и понятнее. Тем более что оно все равно сильно задолжало гражданам.

При этом речь идет не о чисто патерналистском поведении: респонденты позитивно относятся к рыночной экономике; они хотели бы, чтобы их дети стали успешными частными хозяевами и предпринимателями. Почти половина респондентов хотели бы быть самозанятыми или открыть собственное дело.

В целом работать по найму предпочитают люди в возрасте – привлекательность такой работы резко растет. Вместо того чтобы воспользоваться возможностями столичной экономики, многие москвичи даже трудоспособного возраста ожидают от власти все новых и новых льгот, демонстрируют высокий уровень иждивенчества.

Каковы аргументы против открытия собственного дела? Для кого-то это принципиальный выбор (не хочется брать на себя риски – такого мнения придерживается четверть опрошенных), иные согласны с утверждением, что «бизнесменом надо родиться», выбирают стабильность и государственную социальную защиту, у многих просто нет желания или склонности к самостоятельности.

Однако для сопоставимого числа людей их выбор определяется внешними факторами: для работы на себя не сложились благоприятные условия – нет денег, ресурсов, связей, господдержки, нет необходимого образования и опыта. Кроме того, на российском рынке труда много работников, оказавшихся в ловушке низкооплачиваемой занятости, их еще называют работающими бедными. Но люди предпочитают держаться даже за такие рабочие места.

Справедливость — одна из главных моральных и политико-правовых ценностей общественного сознания. Понятие социальной справедливости включает представление о должном распределении социальных благ и непосредственно связано с категориями равенства и неравенства. Одна из наиболее острых проблем данной области в современном российском обществе связана с дифференциацией доходов, которая большинством населения России воспринимается как чрезмерная.

При этом вопросы, как россияне воспринимают сложившуюся ситуацию, какие варианты выхода из нее им наиболее импонируют, не имеют однозначного ответа. Социальную напряженность порождает ряд факторов: личный негативный опыт решения жизненных проблем, серьезные расхождения в ценностно-нормативных установках у различных групп населения. Кроме того, крайне важны представления граждан о легитимности сложившейся в стране системы распределения социальных благ.

Важнейшим фактором социальной напряженности может стать распространение в обществе представления о нелегитимности существующего положения вещей, ситуация, когда богатство или, напротив, бедность воспринимаются населением как несправедливые, незаслуженные. Каковы же представления наших сограждан о богатстве и бедности в России? Как полагают многие исследователи ценностных ориентаций, уравнилельные и патерналистские настроения являются для россиян доминирующими.

«До 70% россиян на лобовой вопрос отвечают, что большинство богатых людей — это воры, 70% граждан уверены, что законным способом разбогатеть в РФ невозможно. Круг потребительских нужд у большинства российских семей ограничен текущими задачами повседневной жизни. Питание, одежда, отдых — это предел мечтаний. Невозможность вырваться из круга повседневности вызывает раздражение и озлобление, в том числе к богатым.

Ухудшение отношения к богатым людям происходило одновременно с процессами отчуждения людей от власти, политики, общественной жизни, ростом уверенности в коррумпированности власти и является выражением нарастающего чувства зависимости обычного человека от неподконтрольных ему общественных процессов. Несмотря на рост уровня жизни в первые годы нынешнего века, большинство россиян остаются людьми если не бедными в смысле текущих возможностей удовлетворения нужд в питании и одежде, то бедными в своих потребительских ориентациях.

Денежные доходы большинства не позволяют даже задумываться о том, чтобы самостоятельно решать свои жилищные проблемы, получать качественное образование и медицинскую помощь. Эти цели кажутся многим столь нереальными, что они даже не пытаются их достичь.

Пока же бедность и отсутствие финансовой независимости оказываются самовоспроизводящимся явлением.

Недовольство начинает расти не тогда, когда людям становится хуже, а когда становится хорошо. Когда начинаются улучшения, запрос «я хочу» растет значительно выше, чем «я могу». Когда все падает, очень быстро снижается «я хочу», почти прижимается к «я могу», уходит фрустрация и у людей получается расслабляться.